

В. И. СЕМЕВСКИЙ

**Крестьянский вопрос в России
в XVIII и первой половине XIX века**

<Фрагмент>

Глава XVIII

Что сделано было в царствование императора Николая для ограничения крепостного права.

<...> Мы познакомились с деятельностью всех секретных комитетов по крестьянскому делу в царствование императора Николая, рассмотрели, как отнеслось дворянство к попыткам правительства побудить его добровольно изменить быт крепостных крестьян, видели также, насколько воспользовались помещики законом о свободных хлебопашцах, указали на гуманизирующее влияние науки, литературы и журналистики, разобрали проекты частных лиц относительно ограничения крепостного права и полного освобождения крестьян и, наконец, познакомились с деятельностью правительства по крестьянскому делу в той части России, где и политические причины побуждали его к возможно более энергической защите народа от высшего сословия. Теперь мы можем сгруппировать все предположения, какие были высказаны в рассматриваемую эпоху, по вопросу об уничтожении крепостного права. Припомним, прежде всего, разбросанные в нашей книге указания на то, как относился к крестьянскому вопросу сам император Николай.

Мысль о необходимости уничтожения рано или поздно крепостного права была не чужда Николаю Павловичу еще до вступления

его на престол, как потому, что ее проводил в своих лекциях академик Шторх¹, преподававший великому князю политическую экономию, так и потому, что она занимала его брата, императора Александра I, постоянно собиравшего проекты по этому предмету. Впрочем, Николай Павлович пришел, по его собственному свидетельству, к такому выводу, что если его брат и намерен был первоначально дать крепостным свободу, то впоследствии он «отклонился от сей мысли, как еще совершенно преждевременной и невозможной в исполнении». Однако первые же дни царствования императора Николая должны были его убедить, что лучшие представители молодого поколения иначе смотрят на этот вопрос: из первых допросов арестованных декабристов присутствовавший на них государь узнал, что одною из главных причин общественного недовольства была инертность правительства в деле освобождения крестьян, — молодые люди смело и откровенно высказывали свои мысли по этому предмету. Через год после вступления на престол император Николай учредил, 6 декабря 1826 года, секретный комитет, которому было поручено рассмотреть предположения относительно улучшения различных отраслей государственного устройства и управления и, между прочим, относительно изменения быта крестьян, для чего комитету были переданы и проекты по этому вопросу, представленные правительству в предшествовавшее царствование. Еще прежде чем закончил свою деятельность комитет 6 декабря 1826 года, по высочайшему повелению был учрежден особый комитет для составления закона о прекращении продажи людей без земли. При разногласии в Государственном совете относительно продажи крестьян на своз, возникшем при обсуждении составленных этими комитетами законопроектов, государь примкнул к мнению большинства, высказавшегося за запрещение безземельной продажи крепостных без всякого исключения. Однако проекты комитета 6 декабря 1826 года, в конце концов одобрены не были, вследствие протеста великого князя Константина Павловича. Из разговора императора Николая с Киселевым в 1834 году мы видим, что с самого вступления на престол государь собирает материалы по крестьянскому делу и задумывает вести «процесс» против «рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи», но не встречает сочувствия не только со стороны министров, которые боязливо отступают перед этим вопросом, но и со стороны своих братьев, Константина и Михаила. Тем не менее государь категорически вы-

сказал в разговоре с Киселевым убеждение, что дело это он должен «передать сыну с возможным облегчением при исполнении», т. е. серьезно подготовить его окончательное решение. Сознавая свою неопытность и неподготовленность в этом отношении, император Николай был крайне доволен, что нашел себе такого помощника, как Киселев, который при управлении им Дунайскими княжествами занимался регулированием положения крестьян, живущих на владельческих землях. В следующем, 1835 году государь учредил новый секретный комитет, одной из задач которого было принятие мер для улучшения состояния помещичьих крестьян, но деятельность которого не имела никаких практических результатов для крепостного населения России.

В конце 1839 года император Николай опять учреждает секретный комитет, который должен был уже исключительно заняться вопросом об изменении быта крепостных крестьян. В марте 1840 года член этого комитета Киселев предложил государю следующую программу мер для ослабления помещичьей власти и освобождения крепостных: 1) устройство быта дворовых людей; 2) исполнение помещичьими крестьянами рекрутской повинности на основании общих правил, установленных относительно отбывания ее для прочих сословий; 3) назначение крестьянам определенных земельных наделов и предоставление им права собственности на движимое имущество; 4) ограничение права помещиков наказывать крестьян; 5) устройство для крепостных крестьян сельского управления с сохранением влияния помещиков, но, вместе с тем, с предоставлением крестьянам права обращаться в судебные места наравне с свободными хлебопашцами. Государь нашел все эти предположения «весьма справедливыми и основательными» и разрешил внести их в комитет; но когда Киселев составил подробный проект, обнимающий лишь часть этих предположений, именно определение наделов и повинностей крестьян, то государь повелел объявить комитету в феврале 1841 года, что он не имел и не имеет намерения дать предполагаемому изменению закона о свободных хлебопашцах силу обязательного постановления и что увольнение крестьян в обязанные должно быть основано на собственном желании помещиков. Такое повеление по своему общему смыслу, конечно, подкрепило мнение членов комитета, протестовавших против установления каких бы то ни было обязательных норм повинностей при обращении крепостных крестьян в обязанные. В марте 1842 года государь произнес в Государственном совете

пред обсуждением закона об обязанных крестьянах целую речь, в которой, между прочим, сказал, что «никогда не решится даровать свободу крепостным людям», что время, когда к этому можно будет приступить, еще весьма далеко и что теперь «всякий помысел о сем был бы лишь преступным посягательством на общественное спокойствие и благо государства». Но если, по мнению государя, и «не должно давать вольности» крепостным, то за то «должно открыть путь к другому, переходному состоянию», на основании добровольных соглашений между помещиками и крестьянами. Всего важнее в этой речи было решительное осуждение обезземеления крестьян в Остзейском крае², а затем заявление, что настоящий закон есть только первый шаг на пути ограничения крепостного права: воспользовавшись теми договорами, которые будут заключены на основании этого указа, и подробным регулированием в них отношений помещиков к крестьянам, государь предполагал издать впоследствии обстоятельный закон, который, как надо полагать на основании его упоминания о положительном законодательстве, он имел в виду сделать уже обязательным для владельцев населенных имений: в настоящее же время он не желал оказывать на них давленья. Когда в том же заседании кн. Д. В. Голицын³ сделал замечание, что если оставить договоры на волю дворян, то едва ли кто-нибудь станет их заключать, и потому лучше прямо ограничить власть помещиков инвентарями, взяв за основание указ императора Павла о трехдневной барщине, то государь сказал: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь, как не решусь и на то, чтобы приказать помещикам заключать договоры: это должно быть делом их доброй воли, и только опыт укажет, в какой степени можно будет перейти от добровольного к обязательному». Но относительно Западной России император Николай держался иных взглядов: в марте 1840 года на постановлении комитета западных губерний он написал: «Полагаю, что можно решительно велеть ввести в помещичьих владениях те инвентари, которыми само правительство довольствуется в арендных имениях. Ежели от сего будет некоторое стеснение прав помещиков, то оно касается прямо блага их крепостных людей и не должно отнюдь останавливать благой цели правительства», — и вскоре после того предписал ввести инвентари в четырехмесячный срок. Когда исполнить это повеление так скоро не оказалось возможным, то в феврале 1841 года, за несколько дней до объявления комитету об обязан-

ных крестьянах, что увольнение крепостных в обязанные должно быть основано на собственном желании помещиков, император Николай на докладе комитета западных губерний, заключающем предположения о введении в этом крае обязательных инвентарей, написал: «Делом сим не медлить; я считаю его особенно важным и ожидаю от сей меры большой пользы». В 1840 году император Николай учредил секретный комитет для улучшения быта дворовых, имевший всего три заседания, после чего было повелено оставить это дело впредь до удобного времени. В 1843 году государь поручил министру внутренних дел Перовскому представить свои соображения по вопросу о дворовых и, когда он исполнил это требование, учредил новый секретный комитет об устройстве их быта, в котором принял сам ближайшее участие (см. гл. IV); он согласился на некоторые маловажные меры, направленные, главным образом, к уменьшению числа дворовых, но вместе с тем заявил, что прямого воспрещения помещикам брать из крестьян в дворовые следует избегать до последней крайности. Тут же он сказал, что мысль об изменении у нас крепостного состояния никогда не оставляла его с самого вступления на престол и что, считая постепенность мер первым условием в этом деле, он решился начать с дворовых людей; но затем опять повторил, что запрещение помещикам переводить крестьян во двор признает «решительно на долгое время невозможным». Считая полезным выдавать из казны ссуды дворовым, владельцы которых будут отпускать их на волю за определенную плату, государь решил ассигновать с этою целью на первый случай до 100 000 руб., но предположение это, сколько нам известно, исполнено не было. Закон 1844 года о выкупе дворовых на волю, бывший результатом деятельности этого комитета, не имел никаких существенных последствий. В 1846 году для рассмотрения записки министра внутренних дел Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России» был опять учрежден секретный комитет, который признал своевременным лишь принятие мер для ограждения движимого имущества крепостных крестьян от несправедливых притязаний помещиков, что император Николай и приказал исполнить. Но в том же году, еще ранее, чем это повеление государя осуществилось, комитетом министров был возбужден вопрос о даровании крепостным «права на собственность» относительно недвижимого имущества, чем государь и повелел заняться немедленно, сказав по этому поводу Киселеву: «Пока человек есть вещь, другому принадлежащая,

нельзя движимость его признать собственностью; но при случае и в свою очередь и это делается». Однако новые предположения привели в марте 1848 года к ничтожному результату — к дозволению приобретать недвижимую собственность не иначе, как с согласия помещика, и притом с запрещением начинать какие бы то ни было споры относительно недвижимых имуществ, уже прежде купленных крепостными на имя помещиков.

Когда барон Корф возбудил в июне 1847 года вопрос о распространении на всю Россию права грузинских крестьян выкупаться на свободу при продаже с аукциона населенных имений, государь с полным сочувствием отнесся к этому предположению и, собирая для его обсуждения «келейный» комитет, заявил, что «пользу и главные начала» этого дела он считает уже решенными*, и благодаря такой, едва ли не единственный раз обнаруженной императором Николаем решительности относительно крестьянского вопроса в собственной России, не замедлилось издание указа по этому предмету (8 ноября 1847 г.); но против этой правительственной меры началась усиленная агитация со стороны наших крепостников, и распускаемые ими неблагоприятные слухи и даже письменные протесты, присылаемые государю, пришлось рассматривать в двух комитетах, из которых первый был учрежден в начале 1848 года и очень быстро закончил свою деятельность, а второй в конце года подготовил негласную отмену указа 8 ноября. К 1847 году относится обращение императора Николая к смоленским дворянам с выражением желания, чтоб они отозвались на призыв правительства относительно обращения крепостных крестьян в обязанные, причем в речи к депутатам смоленского дворянства государь, между прочим, сказал, что «крестьянин, находящийся ныне в крепостном состоянии почти не по праву, а обычаем, чрез долгое время, не может считаться собственностью, а тем менее вещью». Но уже в конце того же года один помещик, пославший наследнику цесаревичу записку по крестьянскому вопросу, получил такой ответ: цесаревичу известно, что государь «отнюдь не имеет намерения изменять настоящих отношений крестьян помещичьих к их владельцам»; вслед за тем смоленскому дворянству (из среды которого группа помещиков

---

* Государь высказался за то, чтобы дозволено было выкупаться не иначе, как целыми селениями, и выразил желание, чтобы, в случае надобности, казна оказывала крестьянам пособие для выкупа.

в 13 человек отправила коллективный проект по крестьянскому делу) было дано знать официально, что государь «не желает, чтобы производились частные подписки, но что каждый имеет руководиться указом 2 апреля 1842 года отдельно»*, и, наконец, в начале 1849 года мнение смоленского губернского предводителя дворянства князя Друцкого-Соколинского, проникнутое самыми крепостническими тенденциями, заслужило одобрение государя. Реакция, начавшаяся у нас вслед за февральской революцией во Франции, вызвала гонение даже и на весьма умеренные протесты против крепостного права в печати. Некоторая решительность была обнаружена государем лишь относительно Юго-Западного края, для которого инвентарные правила были утверждены первоначально 26 мая 1847 года, а затем в новой редакции 29 декабря 1848 года, когда нечего было уже и думать о прогрессивном движении в крестьянском деле в собственной России**.

Таким образом, император Николай, при всех своих добрых намерениях в крестьянском вопросе при ясном сознании необходимости уничтожения крепостного права, если не при нем, то, по крайней мере, в следующее царствование, и настоятельности серьезной подготовки этой меры, обнаружил такую нерешительность в этом отношении, что деятельность девяти «секретных», «келейных» и «особых» комитетов не имела никаких серьезных последствий, так как из числа подготовленных ими мер две, единственно возбуждавшие надежды: закон об обязанных крестьянах и дозволение выкупаться на свободу при продаже с аукциона — не принесли почти никакой пользы: первая — вследствие крайней инертности дворянства и равнодушия громадного большинства его

---

* Просьба тульских дворян в 1847 г. об учреждении в губернии официального комитета по крестьянскому делу и подобное же предложение Кошелева относительно рязанской губернии были отвергнуты.

** В «показаниях генерал-адъютанта А. Е. Тимашева» мы находим следующее важное известие: «Всем известно, что император Александр II, до своего воцарения, был противником освобождения крестьян. Перемена воззрения на этот предмет находит свое объяснение лишь в том, что произошло в последние минуты жизни императора Николая... По рассказу, слышанному мною от одного из самых приближенных к императору Николаю лиц, а именно от гр. П. Д. Киселева», государь Николай Павлович «незадолго до кончины» сказал наследнику престола: «Гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу». («Русский Архив» 1887 г. № 6, стр. 960). Известие это о словах имп. Николая нуждается в подтверждении. Срав. Ibid, стр. 262.

к крестьянскому вопросу, а вторая вследствие ее скорой отмены, и лишь деятельность десятого комитета (о западных губерниях), при содействии энергического генерал-губернатора Юго-Западного края Д. Г. Бибикова, была не лишена полезных до известной степени результатов. Одною из главных причин того, что деятельность целого ряда правительственных комиссий осталась бесплодною, была крайняя боязнь гласности, столь необходимой в этом деле, и неосновательная уверенность, что такое сложное дело, как ограничение крепостного права, может быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, без содействия общества и печати: отсюда и нежелание допустить какую бы то ни было общественную самодеятельность в дворянстве и воспрещение представителям науки, литературы и журналистики оказать с своей стороны содействие правительству в том святом деле, за которое оно бралось так нерешительно. Мы видели, с каким горячим сочувствием относились к намерениям правительства по крестьянскому делу даже люди, считавшиеся столь крайними, как Белинский; понятно, какое могучее содействие могли бы оказать эти передовые деятели правительству, одни — прямым обсуждением мер настоятельно необходимых, другие — гуманизированием общества посредством своих беллетристических и иных литературных произведений, посвященных защите интересов закрепощенного крестьянства. Но правительство с величайшею нетерпимостью отвергло содействие этих людей, а среди высшей администрации Чернышевы, Орловы, Перовские тормозили инициативу Киселева, единственного более других энергического человека в крестьянском деле, и сводили на нуль иногда благие начинания, положенные в основу деятельности того или другого комитета. Если, однако, благодаря этому противодействию лиц, непосредственно окружающих государя, его мечты о подготовке падения крепостного права и не привели ни к каким строгим мерам, направленным к его ограничению, то все-таки сознание государя, что он обязан по мере возможности действовать в этом направлении, вызвало целый ряд отдельных, хотя и не особенно важных, но зато довольно многочисленных узаконений, кое в чем ограничивавших помещичью власть и распространение крепостного права. <...>

